

А.И.Разживин (Ключёвский)
Елабуга, Елабужский институт
Казанского (Приволжского) федерального университета

Незавершенный поэзный опыт А.А.Шишкова «Ратмир и Светлана»

Наша русская литература столь богата, что порой позволяет забывать некоторые имена. К числу таких ныне малоизвестных писателей принадлежит Александр Ардалионович Шишков (1799-1832), именуемый иногда Шишков 2-й или Шишков-младший. Будучи племянником А.С.Шишкова – Государственного секретаря, Министра народного просвещения, Президента Российской академии и воспитывавшийся им, он в своих литературных пристрастиях и вкусах ушел из-под его влияния и примкнул к молодым противникам «Беседы любителей русского слова». Имя А.А.Шишкова, чей жизненный и литературный путь был недолог, сохранено в истории нашей культуры не столько стараниями его именитого дяди, сколько поддержкой его ровесника - А.С.Пушкина, с коим он, будучи молодым офицером гренадерского полка, подружился в Царском Селе в 1816-1817 гг. В 1826 году Пушкин включает в свой сборник адресованное Шишкову послание «Шалун, увенчанный Эратой и Венерой...», написанное им в год знакомства (1816), и тем самым вводит имя поэта в свой литературно-биографический контекст. Юношеское послание Пушкина проливает свет на ранние не дошедшие до читателей стихи. Он воспринимал своего сверстника как поэта арзамасской ориентации. Судя по посланию Пушкина, это была анакреонтическая легкая поэзия батюшковской школы.

В сохранившемся письме (осень 1923 г.) Пушкин именует Шишкова «царско-сельским товарищем», «золотым талантом» и сожалеет, что не столкнулся с ним на Кавказе [Пушкин 1937, т.ХІІІ: 76], куда Шишков был переведен из Литовского уланского полка за какой-то проступок и пробыл там до конца 1821 года. Позднее в 1831 году Шишков знакомил Пушкина со своими переводами западных драматургов [Пушкин 1941, т.ХІV: 231]. Возможно, эпистолярные контакты Пушкина и Шишкова были более частыми. В любом случае, они позволили вдове писателя Екатерине Шишковой обратиться после трагической смерти супруга к А.С.Пушкину с благодарностью за положительное решение Академии российской от 3 июня 1833 года об издании в академической типографии за счет Академии сочинений и переводов покойного Шишкова 2-го тиражом 1200 экземпляров. Президент Академии адмирал А.С.Шишков как родственник покойного писателя не решался сам внести это предложение. Пушкин, незадолго до этого избранный членом Российской академии, горячо взялся за дело и довел его до конца. По его предложению была составлена на имя А.С.Шишкова записка, подписанная членами Академии, в том числе и Пушкиным. Издание было осуществлено в 1834-1835 годах в 4-х частях и включало лирическую

поэзию, трагедию «Лжедмитрий», роман «Кетевана, или Грузия в 1812 году», а также переводы Тика.

Несомненно одно: участие Пушкина в издании четырехтомного собрания сочинений и переводов капитана А.А.Шишкова было продиктовано желанием сохранения литературного наследия своего современника и друга юности и осознанием того, что его имя достойно памяти в истории русской словесности.

Исследований литературного наследия А.А.Шишкова немного. Более того, начиная с первой трети XIX века и по сей день критики и исследователи в оценке творчества А.А.Шишкова видят исключительно влияние Пушкина и именуют его подражателем [Полевой 1824; Шевырев 1828; Жирмунский 1978]. Тому есть определенное основание. Творческие импульсы, исходившие от романтического поэта первой величины, были столь мощными, что вызвали волну русских романтических поэм, в том числе и подражательных. Случай не единственный в истории русской литературы классического периода. Достаточно вспомнить более раннюю карамзинскую школу с его сентиментальной повестью «Бедная Лиза», вызвавшей поток чувствительных повестей с вариациями популярного сюжета и психологическими клише [Павлович 1974]. Как верно подмечено, «...произведения великого поэта, действительно соответствующие духу эпохи, ее художественным потребностям, всегда выступают в окружении группы литературных спутников... и в свою очередь подхватываются младшими современниками в многочисленных более близких или более далеких подражаниях...» [Жирмунский 1978: 226]. Создаваемая традиция позволяет глубже осмыслить новые литературные явления и рельефнее увидеть вершинные произведения в жанре.

Творчество А.А.Шишкова в жанровом плане универсально: лирические стихи, поэмы, драматургия, роман, эпистолярная проза, переводы европейских драматургов. Короткий творческий путь не дал возможности реализоваться его творческой индивидуальности. Иные произведения не завершены, другие представлены в отрывках и набросках, тем не менее, все они находятся в русле романтических исканий пушкинской эпохи. Заметное воздействие Пушкина обнаруживается лишь в романтических поэмах Шишкова и в трагедии (по определению автора, драматической поэме) «Лжедмитрий», навеянной выходом «Бориса Годунова». Лирическая поэзия и проза Шишкова, несомненно, оригинальны и демонстрируют его индивидуальную художественную манеру.

Тем не менее, и так называемые «подражательные» произведения А.А.Шишкова нуждаются в научных комментариях. Остановимся на незавершенной поэме «Ратмир и Светлана». Первая песнь поэмы и отрывок из второй были напечатаны автором в 1824 году в сборнике «Восточная лютня» с предисловием: «Отвлеченный обстоятельствами, не имел я до сих пор времени продолжать начатую мною повесть *Ратмир и Светлана* (курсив автора, А.Р.). Предлагая на суд почтенных читателей первую песнь оной и отрывок из второй песни, ожидаю от них приговора, оста-

новиться при начале, или продолжить далее?» [Восточная лютня 1824: 61. Далее текст поэмы цитируется по этому изданию с указанием страниц]. Продолжения не последовало. Возможно, потому, что поэменные опыты Шишкова («Ратмир и Светлана», «Дагестанская узница», «Лонской») получили нелестные отзывы критики [Полевой 1824; Шевырев 1828]. Возможно, сам автор почувствовал бесперспективность стихотворной повести, основанной на реминисценциях из пушкинской богатырской поэмы. А они весьма заметны. Повесть «Ратмир и Светлана» с первых строк воспроизводила зачин «Руслана и Людмилы»:

Среди бояр, сынов, дружины
Владимир солнце пировал;
Своей рукой он рог туриный
Гостям усердно наливал.
И гости дружно осушали.
Боярин Гридня и Варяг
Надёже Князю лет и благ
От сердца чистого желали... (с. 63)

(сравним в «Руслане»: В толпе могучих сыновей, С друзьями в гриднице высокой Владимир-солнце пировал). Имена героев Рогдай и Ратмир, несомненно, также указывают на пушкинскую поэму как на один из возможных сюжетных источников, как и наличие старца-отшельника и героя-чародея, пунктирно намеченных в рассказе Змеяда из второй песни. Иных прямых реминисценций из Пушкина более нет. Да и отмеченное можно обнаружить в ранних, допушкинских сказочно-богатырских поэмах («Алеша Попович» Н.А.Радищева, 1801; «Бахариана» М.М.Хераскова, 1803; «Светлана и Мстислав» А.Х.Востокова, 1806) и в более поздних («Княжна Милуша» П.А.Катенина, 1834; «Рогнеда» И.П.Алякринского, 1837 и др.). Написанные в разное время с ориентацией на отечественную старину – фольклор, летописи, древнюю литературу, славянскую мифологию, позднее «Историю государства российского» Карамзина, эти произведения выполняли важную функцию – становление литературы самобытной, оригинальной, народной.

Центральной идеей предромантической эстетики стала идея оригинального творчества в духе древних. Ее сформулировали еще в конце XVIII века Н.М.Карамзин в «Илье Муромце» (1795 г.) и Н.А.Львов в «Добрыне» (1796 г.). К замыслам поэмы на фольклорном материале оба поэта пришли независимо друг от друга. Правда, произведения оказались незаконченными, более того, поэты не предпринимали попыток завершить начатое, и это, видимо, не случайно. Вступления к поэмам представляли собой теоретические трактаты, своеобразные предромантические манифесты, предваряющие дискуссию о народности литературы начала XIX века, которая определила появление столь различных произведений, как «Словенские вечера» Нарезного, «народные песни» Мерзлякова, баллады Жуковского, историческую прозу со средне-

вековым варяго-русским колоритом Батюшкова и Муравьева, многочисленные сказочно-богатырские поэмы. Литературные манифесты Карамзина и Львова демонстрировали мысль о том, что можно «написать целую русскую эпопею в совершенно русском вкусе» [Памятник 1804: 195].

Мы не греки и не римляне;
Мы не верим их преданиям...
Нам другие сказки надобны;
Мы другие сказки слышали
От своих покойных мамушек [Карамзин 1962: 45-46]

Связанные с «Русланом и Людмилой» в ряде отдельных мотивов, русские предромантические поэмы не повторяли пушкинский сюжет. Богатство открытого в начале XIX века народнопоэтического творчества, воскрешенное прошлое в «Истории...» Карамзина давало пищу для поэтических фантазий поэтов, бесконечное многообразие сюжетов и художественных форм. Даже общие места легко объясняются общностью источников. Так описание пиров князя Владимира идет от Карамзина: «Князь всякую неделю угощал в *Гридниче*, или в приходежей дворца своего, Бояр, *Гридней* (меченосцев Княжеских), воинских Сотников, Десятских и всех людей именитых или *нарочитых*» (курсив автора, А.Р.). Здесь же среди богатырей Великого князя Добрыни Новгородского, Ильи Муромца упоминается сильный Рахдай, «который будто бы один ходил на 300 воинов» [Карамзин 1988, т.I: 136, 142]. Образ же старца в волшебном мире русских предромантических поэм восходит к Оссиану. Этот умудренный жизнью старец, оставивший свет, живущий анахоретом и обладающий даром предвидения, способен вмешиваться в судьбу героев и выполнять функцию справедливых деяний в борьбе добра и зла¹.

Замысел Шишкова, конечно же, возник не без влияния «Руслана и Людмилы», поэмы, вызвавшей литературные дискуссии на страницах журналов. Но он был также инициирован и общим предромантическим движением, одной из составляющих которого было создание национально-самобытной литературы, базирующейся на народных, фольклорных, древнерусских истоках. Дошедшие до читателя фрагменты поэмы дают основания реконструировать замысел Шишкова. Воображение поэта было наполнено образами русской старины эпохи Владимира Святославича. Намеченные исторические реалии связаны со сложными отношениями Киева с древлянами, которые в 946 году вошли в Древнерусское государство, но еще долгое время поднимали мятежи. «Иди к Древлянам, требуй дани И там мятежников карай» (с.64), - обращает-

¹ Подробнее см. нашу работу: Разживин А.И. Оссианический стиль в русской предромантической поэме // Филологический вестник. Елабуга: ЕГПУ, 2005. – С.41-56.

ся на пиру Владимир к Рогдаю, богатырю, с юных лет привыкшему к брани и мечем расширившему пределы Киевского княжества.

Исторический пласт сюжета поэмы должен быть также связан с Хазарским каганатом, который более трехсот лет контролировал территории Предкавказья, Нижнего и Среднего Поволжья. В политической зависимости от хазар находился ряд восточнославянских племенных союзов вплоть до 964 года, когда князь Святослав освободил последнее зависимое от хазар племя вятичей. В целях умирения этого средневекового тюркоязычного кочевого народа князь Владимир в 985 году совершил новый поход на Хазарию.

Герои Ратмир и Светлана, чьи имена вынесены в название поэмы, оказались вовлеченными именно в эти последние события. Плененные в малолетстве в разное время хазарским Каганом, они не знали своего отчества, отца и матери и возрастали в условиях кочевого народа. Освобожденные Рогдаем, повзрослевшие за девять лет в славяно-русской языческой среде, они почитают Рогдая отцом и вынашивают мысль о поездке в святой Царьград для свершения обета, данного ими при освобождении. Возможно, речь идет о крещении и принятии христианства.

Однако представляется, что летописно-историческая героика не могла быть доминирующей в сюжете поэмы. Уже в первой песни - своеобразном «былинном» прологе - завязывается романическая сюжетная линия. Князь Владимир, которому были представлены молодые люди, сражен красотой юной Светланы:

Они предстали: кто опишет
 Невинной девы скромный вид?
 Как грудь ее, вздымаясь, дышит,
 И тихо полотно колышет,
 И взоры нехотя манит.
 Какая кисть представит живо
 Румянец девственных ланит,
 Свидетель чувств ее неживый (с.68).

В отличие от пушкинского сюжета, где Ратмир предстает «младым хазарским ханом», соперником Руслана, Фарлафа и Рогдая, герой Шишкова, в прошлом пленник хазар, «названный брат» Светланы, может стать соперником самому князю. Владимир здесь историчен уже потому, что списан с летописей и «Истории...» Карамзина, где он показан утопающим в чувственных наслаждениях. «Всякая прелестная жена и девица страшилась его любострастного взора: он презирал святость брачных союзов и невинности...Летописец называет его вторым Соломоном в женолюбии» [Карамзин 1988, т.I: 123]. На таком романическом (любовном) сюжете была ранее (1806 г.) основана поэма А.Х.Востокова «Светлана и Мстислав», где князь Владимир, восплававший страстью к юной красавице Светлане, стал соперником своему сыну Тьмутараканскому князю Мстиславу.

Далее эпоха Владимира I-го заполняется в соответствии с предромантическим историзмом чудесными происшествиями героев, сказочными, языческими персонажами, чародеями (об этом свидетельствует сохранившийся отрывок из второй песни поэмы «Рассказ Змеяда»). В итоге мог получиться сказочно-авантюрный роман, где героика, подвиги, любовь, чудеса, сказка переплетались в историческом времени княжения Владимира-Красно солнышко. Типологически поэма Шишкова оказалась близкой не только к «Руслану и Людмиле», но и к другим эпическим замыслам современников – В.А.Жуковского («Владимир»), М.П.Загорского («Илья Муромец»), Л.И.Боровиковского («Пир Владимира Великого»).

Что действительно было подхвачено Шишковым у Пушкина, так это легкость и изящество слога, астрофическая организация стиха, четырехстопный ямб, отсутствие нарочитой стилизации, удачное сплетение литературного языка с фольклоризмами, древнерусской лексикой:

Один лишь князя верный друг
 Гроза Рогдай, воитель смелый,
 Как лунь во брани поседель,
 Смотрел задумчиво вокруг.
 Он не касался вкусных брашен.
 Не пил из рога светлый мед,
 Но взор его был дик и страшен,
 Как в бурю неба мрачный свод... (с.63).

Это был стиль предромантической сказочно-богатырской поэмы.

Литература

- Жирмунский В.М.* Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. – Л.: Наука, 1978.
- Карамзин Н.М.* Избранные соч.: В 2-х т. Т.2.- Л.: Худож. лит., 1964.
- Карамзин Н.М.* История государства российского. – М.: Книга, 1988.
- Павлович С.Э.* Пути развития русской сентиментальной прозы XVIII века – Саратов: СГУ, 1974.
- Памятник Николаю Александровичу Львову // Друг просвещения, 1804, ч.III, № IX.
- Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.в 16 тт. – М.: АН СССР, 1937-1949.
- Полевой Н.А.* Обозрение русской литературы в 1824 году // Московский телеграф, 1825, ч.I.
- Шевырев С.П.* Опыты А.Шишкова 2-го // Московский вестник, 1828, №16.
- Шишков А.А.* Повесть Ратмир и Светлана // Восточная лютня. - М.: В университетской типографии, 1824.